

ПОЕДИНОК С СУДЬБОЙ

Т Ъ Е Р Р И
К О Э Н

я сделаю это для тебя

МОСКВА
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К76

Thierry Cohen
JE LE FERAI POUR TOI

Copyright © Editions Flammarion, Paris, 2009

Перевод с французского *Е. Клоковой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Коэн, Тьерри.

К76 Я сделаю это для тебя / Тьерри Коэн ; [пер. с фр. Е. Клоковой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Поединок с судьбой. Проза Г. Мюссо и Т. Коэна).

ISBN 978-5-04-094915-1

Даниэль и Бетти очень любили друг друга. Иначе как объяснить то, что Бетти, блестящая студентка юрфака, выбрала в спутники человека из низов, который даже — было дело — вместе со своими друзьями преступал закон.

Казалось бы, их счастьем ничто не могло помешать: у Даниэля успешная карьера, они воспитывают двух сыновей. Но все рушится в один день: старший сын, Жером, погибает во время теракта.

Отныне Даниэль живет одной мыслью: отомстить тем, кто отнял у него сына. Он уверен: только так он вернет любовь Бетти и успокоит свое рвущееся на куски сердце.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094915-1

Фламмарион

Жислен

Моему вдохновению

Солаль, Джонасу, Ялон и Амьель

Моей силе

Пролог

Я ничего не почувствовал.

Разве что сильную воздушную волну. Нет, не так. Больше всего это напоминало мощный удар кулаком в живот и в лицо, только больно не было.

Мужчина сел в автобус на остановке «Флерюс» и сразу показался мне странным. Он был похож на бесноватого. На человека, встретившего дьявола и не знающего, гонится тот за ним или отстал. Глаза у него были как у маньяков в фильмах ужасов, и он что-то беспрестанно бормотал. Но в Париже полно людей со странностями. Я и сам иногда бываю странным. На свой манер.

Я испугался, когда мы встретились взглядами. Он как будто удивился и рассердился, что я еду в автобусе. Я думал, он со мной заговорит. Скажет, например, так: «Не годится ездить в автобусе одному, малыш! Давай выходи, пока я тебя не вздул!» Я не понимал, с чего дядька так разозлился, и решил, что он вообще не любит детей или... слишком сильно любит, если

вы понимаете, о чем я. Мама все время рассказывает мне о психах, которые обижают детей, и велит быть начеку.

Вообще-то, я не трус. Ладно, признаюсь: когда брат прикидывается в темноте привидением, я делаю вид, что мне все нипочем, но он так классно играет, что я в конце концов все-таки пугаюсь! Но этот тип... Я начал жалеть, что поехал на автобусе, а не пошел домой пешком, потому что папа с мамой не хотят, чтобы я так поступал. Слишком много улиц надо переходить. Слишком опасно.

Опасно: смешно, да?

Не-а, не смешно, даже не забавно.

Я подумал: может, пора применить правило номер три «кодекса поведения ребенка, который остался в городе один» — так его называет папа. Правило номер три гласит: «Если чувствуешь угрозу, сразу подходишь к какой-нибудь старушке и просишь помощи». Но, во-первых, автобус был набит до отказа, а единственная старушка сидела рядом со мной и дремала, во-вторых, у этой самой старушки все лицо было в морщинах, а подбородок зарос волосами, и она пугала меня почище того человека. В-третьих, мне ничто не угрожало, испугался я только потому, что взгляд у мужчины был странный, он разговаривал сам с собой и то и дело на меня поглядывал.

Будить старую даму я бы не стал ни за что на свете, проехать оставалось несколько остановок, ну, и я бросил себе вызов: «Досчитаешь до трех, поднимешь глаза и будешь смотреть на него, пока он первым не отведет взгляд. Сумеешь, значит, ты мужчина!» Я люблю вот так себя испытывать. Глупо бояться человека только потому, что он похож на зомби и сам с собой разговаривает. Я набрал в грудь воздуха, сильно выдохнул, посчитал — раз, два, три — и посмотрел, но опоздал: ему больше не было до меня дела. Он повернулся лицом к двери и как будто говорил со своим отражением в стекле.

Автобус подъехал к остановке «Национальное собрание». Тут-то и начался полный кошмар! Двери открылись, и психованный маньяк что-то проорал. Не знаю что. Что-то вроде «у! ля, ля, Карамбар!». Знаю, знаю, он не это кричал, я не полный болван! Можешь вообразить человека, убивающего целый автобус людей из-за какого-то там Карамбара? Смешно? Не-а, даже не забавно.

Его крик меня ужас как напугал. И других пассажиров тоже. Все на него посмотрели. Некоторые, наверное, поняли, и глаза у них стали как в ужастиках. Я успел все это увидеть, потому что бомбу он взорвал не сразу, а через секунду или две. Секунда? Две? Не знаю, трудно сказать, да это и без разницы.

Вообще-то, я был бы не против взглянуть на бомбу. Я любопытный, мама мне все время это говорит! Не каждый день выпадает шанс увидеть бомбу. И далеко не каждый день тебе швыряют бомбу в рожу.

Смешно, да?

Знаю, знаю...

Все происходит совсем не так, как в кино. Никакого тебе «бум-трах-тарарах», никакого дыма, никаких криков и стонов. Во всяком случае, те, кто умер на месте, не кричат от боли. Взрыв — это яркий, ослепительный свет и воздушная волна, от которой перехватывает дыхание... Навсегда.

Мужик с безумными глазами напугал меня своим диким воплем, хоть я и не понял ни слова, а потом убил меня, но я бы хотел посмотреть ему прямо в лицо, по-мужски, и сказать: «Эй, придурок, мне даже не больно!»

* * *

Моя жизнь закончилась в тот день, когда моего сына разорвало на куски. На каждом клочке его плоти был запечатлен момент моей жизни, уничтоженный бомбой и огнем. Тысячи обрывков существования, вплавившихся в асфальт и сталь среди множества чужих останков.

Я не могу собрать их воедино. Они мне больше не принадлежат... почти не принадлежат.

Но некоторые придется эксгумировать и попытаться восстановить ускользнувшую от меня историю.

Я должен рассказать эту историю ему и всем тем, кто останется жить и должен будет смириться с нашим отсутствием. Тем, кого я люблю и кого больше не увижу. И себе тоже. Я не могу допустить, чтобы безумие разъело мой мозг прежде, чем я буду готов.

Я употреблю последние проблески сознания, соберу фрагменты воспоминаний и расскажу о своей жизни и смерти.

Моя жизнь: годы до проклятого дня. История в прошедшем времени, которая сегодня кажется мороком.

Моя смерть: мгновения боли, все так же яростно атакующие рассудок.

Те, кто будет однажды читать мои записи, возможно, отыщут смысл в этой истории. Я не могу.

Даниэль

Он сидит на бортике бассейна, опустив ноги в воду, сгорбившись, как маленький старичок, и грызет ноготь на большом пальце. Он один и одинок. Мне хочется кинуться, обнять его.

Я иду — медленно, жестокий спазм перехватил горло. Его силуэт постепенно выплывает из темноты. Я сажусь рядом, спиной к воде. Он не реагирует, продолжает терзать свой палец.

— Тебе грустно?

Он слегка передергивает плечами.

— Я вижу, что тебе грустно.

— Сегодня мамин день рождения, — отвечает он.

— Знаю. Но у нас не было настроения...

— Она не задула свечи, так что день рождения невзаправдашний.

— У нее болела голова. Она поднялась к себе — решила немного отдохнуть — и, должно быть, заснула.

Он хмурит брови.

— Она плакала. Зарылась головой в подушку, чтобы вы не слышали, и плакала.

— Я слышал.

Он смотрит на свой палец, потом снова сует его в рот.

Мой любимый мальчик.

Желтый свет из гостиной падает на террасу, создавая обманчивое впечатление тепла и благополучия.

— Это был ненастоящий день рождения. Все грустили. Ни свечей, ни торта, — огорченно бросает он.

— Мы по тебе скучаем.

Он улыбается. Нежно, показывая, что понимает.

— Не люблю, когда мама плачет. Не хочу слышать. Ее плач напоминает крики раненого зверя, которому очень больно.

— Ей очень больно, Жером.

— Не хочу этого слышать. Сначала она всхлипывает. Потом становится тихо, она молчит, очень долго, и как будто не дышит... а потом раздается крик.

— Жалоба.

Он кивает.

— Иногда бывает страшно. Мамин плач похож на вопль призрака.

Он умолкает, но лицо тут же озаряется солнечной улыбкой.

— Знаешь, когда мы с Пьером играли, он часто издавал такие вопли. Я трясся от страха, а он веселился.

Я воображаю эту сцену, улыбаюсь, и мне становится чуточку легче дышать.

— Помню. Я его за это ругал.

— Ага. Но это была просто игра. Мы с Пьером здорово играли.

— Тебе этого не хватает?

Он пожимает плечами.

— Нет. Я все еще играю. Ну, иногда. У меня не так много времени. Я все еще с вами. Но без игр с Пьером скучно.

— Неужели? Но вы так часто ссорились!

— А вот и нет! Вовсе не часто.

Он поднял голову и распрямил плечи.

— Мы играли часами — в нашей комнате, в саду. Было очень весело. Иногда ссорились, но редко. Родителям кажется, если дети ссорятся раз или два в день, это караул! Но в последнее время вы с мамой... вы все время кричите друг на друга.

Я растрогался.

— Ты прав. Теперь я тоскую даже по вашим спорам.

Пьер продолжает играть в футбол. Стучит мячом о стену. Он повеселел. Мальчик сильнее нас.

— Ты видишь лишь то, что хочешь видеть, папа. Пьер не в порядке. Он выходит поиграть, чтобы сбежать от вас, а мяч пинает, чтобы дать выход накопившейся внутри злости.

— Откуда ты знаешь?

Он смотрит на меня с укором: я его разочаровал.

— Прощу тебя, папа, не задавай больше таких вопросов.

— Прости. Я удивлен. Я думал... Пьер выглядит таким... сильным.

Он раздосадованно качает головой.

— Сильным... (Он хмыкает.) Пьер, как всегда, изображает крутого. А сам плачет втихоря — как ты. В хижине, в глубине сада.

Эта картина терзает мне сердце.

— И вечерами, в постели. Он целует вас на ночь, улыбается, потом ложится, натягивает одеяло на голову, зовет меня, говорит со мной, зовет и... плачет.

— Зачем ты это говоришь? Мне так больно...

Он снова качает головой.

— Я говорю, потому что ты приходишь, чтобы услышать это.

— Вовсе нет. Я прихожу поговорить с тобой.

Он переводит взгляд на воду.

— Ты растравляешь рану, потому что ищешь другой способ выразить горе. Ты кидаешься на колючую проволоку, но не для того, чтобы убежать: ты хочешь пораниться и истечь кровью.

Я задумываюсь. Со мной говорит ребенок. Мой ребенок. Говорит как взрослый. Его зрелость всегда меня удивляла. Детские